

Полигон: Код «Земля».

Хроники принудительной эволюции.

Скачков Е.А.

Евгений Скачков

Полигон: Код «Земля». Хроники принудительной эволюции.

«Автор»
2026

Скачков Е. А.

Полигон: Код «Земля». Хроники принудительной эволюции. /
Е. А. Скачков — «Автор», 2026

Земля — это не колыбель эволюции, а закрытый сервер системного Архитектора. Мы не произошли от обезьян. Мы — импортированные с разных уголков Вселенной подопытные образцы, каждый из которых несет уникальный генетический ключ. Динозавры были местным населением, которое не прошло стресс-тест, и их стерли ради установки новой прошивки — человечества.Разные языки и цвет кожи были не ошибкой, а первым фильтром: Создатель хотел посмотреть, сможем ли мы сами написать протоколы взаимодействия. Но в наш исходный код закрался вирус «Эго». То, что люди называют историей, войнами и политикой, на деле является системным конфликтом и перегревом сервера. Природа сходит с ума, континенты трещат по швам, а человечество режет глотки за глоток воды, не осознавая, что их земной патриотизм — лишь повод выстрелить в брата по импорту.Апокалипсис уже шагает по планете тихим метастазом. Когда процент живых сожмется до предела, Архитектор не спустится с оливковой ветвью.

© Скачков Е. А., 2026
© Автор, 2026

Евгений Скачков
Полигон: Код «Земля». Хроники принудительной эволюции.

Научно-философская космогония
и
эсхатологическая антропология

Название книги
Полигон:
Код «Земля».
Хроники принудительной эволюции.

Пролог. Бета-версия

Все вокруг до сих пор упрямо цепляются за школьные учебники. Дарвинисты, академики, скептики — они смотрят на свои родословные древа, упирающиеся корнями в волосатую обезьяну, и самодовольно кивают. Они ищут недостающее звено, копают землю, перебирают кости и строят теории о том, как случайная молния ударила в случайную лужу, породив жизнь. Они думают, что мы произошли от чего-то ещё там, из первичного бульона.

У меня же мысли в голове таковы, что всё это — лишь удобная ширма для нашего самомнения.

У нас есть Создатель. Не бородатый старец на облаке, а Архитектор, для которого галактики — лишь черновики. И мы не эволюционировали. Мы были инсталлированы.

Земля никогда не была пустой. Задолго до того, как первый наш предок ступил на этот континент, здесь кипела настоящая, коренная жизнь. Динозавры. Они были местным, автохтонным населением этой планеты. Миллионы лет безупречного кода, отточенного под местное солнце, гравитацию и состав атмосферы. Но они не прошли стресс-тест. Их архитектура оказалась слишком громоздкой, их операционная система — слишком уязвимой для резкого климатического сбоя. Создатель нажал кнопку «reset», форматировал жесткий диск мезозоя и начал новый проект.

А потом появились мы. И другие животные. Не из глины и не от приматов. Мы — десант.

Я думаю, что Земля — это планета в виде полигона. Изолированная песочница на краю Вселенной, где Создатель наблюдает за нами через прицел вселенских законов физики. Мы — не дети этой земли. Мы — подопытные образцы жизни, присланные сюда с разных планет или даже из разных галактик. Как и животные, которые нас окружают, скорее всего, тоже были отправленные сюда поодиночке или малыми партиями. Отсюда такая кричащая, неестественная разница видов. Земная фауна — это просто набор совместимых драйверов, которые Архитектор разрешил нам использовать.

Нас не везли в одном ковчеге. Нас высаживали в разные эпохи и на разные материки, как семена в чужую почву. Именно поэтому у людей сразу была разная кожа, разная реакция на солнце, разная структура волос и разный язык. Нам не нужно было учиться говорить с нуля — нам нужно было лишь адаптировать базовые настройки вокодера. Мы со временем начали изучать диалекты друг друга не для того, чтобы создать культуру, а чтобы элементарно выжить. Чтобы чужой генетический код не воспринял твой как вирус и не начал отторжение. Чтобы понимать: ты такой же инсталлированный образец, просто из другого сектора.

Каждый из нас — носитель уникального генетического ключа, доставленного из разных уголков Вселенной. В нашей ДНК зашита не только инструкция по сборке белков, но и скрытый лог-файл. Там записаны координаты нашей истинной родины, уровень гравитации, к которому привык наш скелет, и состав атмосферы, которым дышали наши легкие до высадки. Наши необъяснимые фобии, внезапная ностальгия по местам, где мы никогда не бывали, и аллергия на местную пыльцу — это просто баги совместимости. Конфликт нашего родного кода с агрессивной средой полигона.

Нас высадили, чтобы посмотреть, чей код окажется стабильнее. Чей разум не сойдет с ума от местной гравитации. Чья биология выдержит местный вирусный фон. Чья цивилизация не уничтожит сама себя в первые же тысячи циклов.

Мы — бета-версия.

И Создатель внимательно читает наши логи об ошибках. Он смотрит, как образцы из туманности Андромеды строят пирамиды, как десант с планет системы Сириуса уходит в ледники, а носители кода с газового гиганта сжигают себя в кострах инквизиции. Он наблюдает, чей алгоритм агрессии окажется разрушительнее, а чей — созидательнее.

Динозавры были ошибкой системы, местным рудиментом. Мы — глобальное обновление. Но полигон остается полигоном. И если наш общий код снова выдаст критическую ошибку, Архитектор просто нажмет **«format C:»** и снова выпустит на арену местных. На этот раз, возможно, птиц. Они ведь прямые наследники тех, кто пережил прошлый глобальный сбой.

Глава 1. Архитектор

Создатель не Бог в белых одеждах. У него нет седой бороды, всевидящего ока, сотканного из туманностей, и он не требует, чтобы перед ним падали ниц. Он не молится, он пишет скрипты.

Для него Вселенная — это не храм, а дата-центр. Холодный, стерильный, гудящий бесконечными циклами вычислений. И Земля — его закрытый сервер, защищенный от влияния других лабораторий. Глубоко в недрах метагалактического кластера, за семью слоями квантового шифрования, он развернул эту песочницу. Он выставил жесткие параметры доступа: гравитация 9.8, азотно-кислородная смесь, температурный коридор от минус восьмидесяти до плюс шестидесяти. Идеальная среда для стресс-тестирования чужеродного кода.

Он не творит чудеса взмахом руки. Он компилирует реальность.

Когда ему нужно очистить полигон от старого, нестабильного кода — тех самых динозавров, — он не насылает потоп. Он просто меняет одну переменную в конфигурационном файле климата. Сдвиг тектонических плит — это дефрагментация жесткого диска. Падение астероида — принудительная остановка зависшего процесса, удар тяжелым ботинком по системному блоку. Мезозойская эра была закрыта не из-за жестокости, а из-за несовместимости драйверов. Их нервная система не выдержала возросшей нагрузки, их метаболизм оказался слишком энергозатратным для обновленного солнечного ядра. Они сожгли сами себя изнутри, и Архитектор просто констатировал **Error 404: Biomass not found**.

Мы же — совсем другой протокол.

Мы не рождались. Мы не выползали из океана, отращивая по пути ноги. Мы были скомпилированы. Каждый наш вид, каждая раса — это отдельный дистрибутив, залитый на сервер в разное время.

Африканские линии кода — тяжелые, ресурсоемкие, с идеальным охлаждением для серверных стоек, стоящих прямо под звездой. Скрипты Северной Европы — оптимизированные, экономные, с пониженным энергопотреблением, созданные для работы в условиях дефицита света. Азиатские сборки — невероятно стабильные, с дублирующими системами органов,

способные работать на минимальных ресурсах столетиями. Мы смотрим друг на друга через границы и видим чужаков, а на самом деле мы просто разные версии одной операционной системы, запущенные на разном железе. Конфликты между нами — это не войны за ресурсы. Это банальная ошибка совместимости портов. Попытка вставить штекер **Type-C** в разъем **USB-A.**

Архитектор не сидит на облаке. Его рабочее место — это бесконечная консоль, залитая холодным синим светом мониторов. Его пальцы не касаются арфы, они порхают над виртуальной клавиатурой, вбивая строки на языке, который древнее самого времени. Он — сисадмин этого сектора.

Иногда он заходит на сервер через терминал. Мы называем эти визиты пророками, святыми или безумцами. Он не говорит с нами голосом с неба. Он просто внедряет в чей-то незащищенный разум патч. Заливает в уязвимую психику кусок чистого, незамутненного кода — новую мораль, новую религию, новую парадигму. Это не чудо. Это деплой обновления. Он использует людей как терминалы удаленного доступа, чтобы исправить критические баги в социальном взаимодействии.

Его главный инструмент — боль.

Боль — это самый эффективный отладчик. Когда скрипт поведения заходит в тупик, когда общество начинает пожирать само себя, Архитектор вводит переменную страдания. Войны, эпидемии, голод. Это не наказание. Это stress-test. Он давит на процессор, чтобы посмотреть, при какой температуре плавится наша мораль. Он смотрит, чей генетический ключ начнет выдавать критические ошибки первым. Выжившие после перезагрузки получают автоматическое обновление прошивки: они становятся чуть более осторожными, чуть менее агрессивными. Их код оптимизируется.

А животные? Они — его встроенная периферия.

Хищники — это антивирус. Они не убивают ради жестокости, они вычищают из системы самые дефектные, медленные, зараженные страхом или мутацией узлы. Травоядные — это фоновые процессы, потребители и преобразователи энергии, поддерживающие работу базовых служб сервера. Пчелы — крошечные боты-сборщики данных, переносчики генетической информации между изолированными сегментами полигона. Каждое существо на этой планете выполняет свою строчку в главном конфигурационном файле. Они были доставлены сюда вместе с нами, в тех же контейнерах, как необходимый софт. Лев из сектора Плеяд, чтобы контролировать популяцию антилоп из созвездия Лиры. Кит из туманности Ориона, служащий стабилизатором океанических течений.

И мы, люди, возомнили себя вершиной эволюции. Мы смотрим на кита или на льва и видим просто зверя. Мы смотрим на соседа с другим цветом кожи и видим врага. Мы смеемся над идеей, что нас кто-то создал, потому что привыкли мерить всё линейкой из костей австралопитека.

Мы ищем Бога в древних книгах, написанных такими же инсталлированными пользователями, которые неправильно интерпретировали системные уведомления. Мы строим телескопы, чтобы найти Его в пустоте, в то время как Он сидит в метре от нас, за пределами нашего восприятия. Он смотрит на наш мир через графики загрузки ЦПУ. Для него наша тысячелетняя история — это просто лог-файл, который он пролистывает за чашкой синтетического кофе, выискивая в миллионах строк аномалии.

Мы — не венец творения. Мы — эксперимент.

И самая страшная, самая отрезвляющая мысль, которая приходит в голову глубокой сибирской ночью, когда мороз трещит за окном, пытаясь пробиться сквозь изоляцию сервера: Архитектор не любит нас.

Он даже не знает о нашем существовании как личностей. Для него нет Евгения Сонграйтера или Марии из третьего подъезда. Для него есть **Process ID: 8475629**, потребляющий 15%

ресурсов, и **Process ID: 8475630**, который прямо сейчас пытается переписать часть ядра, изобретая порох. Он не испытывает к нам жалости, когда форматирует целый континент чумой. Он не испытывает гордости, когда мы пишем симфонии. Мы для него — строчки. Бинарный код. Набор единиц и нулей, из которых складывается общая картина стабильности сервера.

Но в этом и кроется наш единственный, самый уязвимый баг, который, возможно, и является истинной целью всего полигона. Где-то в глубине нашего скомпилированного ядра, глубоко в рептильном мозге, остался кусок исходного кода. Остаточный шлейф от тех, с чьих планет нас забрали. И этот код отчаянно требует одного — чтобы на него обратили внимание. Чтобы Архитектор оторвался от своих графиков, посмотрел на конкретную строчку лога и сказал: «Этот работает чисто. Оставляю».

Мы пишем стихи, строим храмы и запускаем ракеты не для того, чтобы выжить. Мы делаем это, чтобы вызвать событие в системном журнале. Чтобы выделиться на фоне шума. Чтобы наш уникальный генетический ключ пискнул на его частоте громче остальных. Мы ищем Его взгляд. И пока Он не нажмет Delete, мы будем отчаянно доказывать, что мы — не просто удачно скомпилированный скрипт. Мы — нечто большее. Мы — первый вирус на этом сервере, который научился осознавать своего создателя.

Глава 2. Динозавры как ОС

До нас здесь стояла базовая операционная система. Рептилии.

Архитектор не создавал их с нуля, это было бы слишком затратно для тестового полигона. Он просто взял самую стабильную, проверенную временем сборку из сектора Бета Центавра — чистый, незамутненный код хладнокровной эффективности — и портировал его на железо Земли. Это была эпоха чистого **DinoOS.**

Она работала безупречно. Миллионы лет аптайма без единого критического сбоя. Система была идеально оптимизирована под местное железо: гравитацию, состав атмосферы и циклы звезды. В ней не было ничего лишнего. Ни одного фонового процесса, который жрал бы драгоценную энергию.

Их код был гениален в своей прямолинейности. Рептилия не знала сомнений. В ее ядре не было переменной «эмпатия». Если тираннозавр видел трицератопса, алгоритм выдавал бинарный ответ: 1 (я сыт) — игнорировать, 0 (я голоден) — запустить подпрограмму «охота». Никаких моральных дилемм, никаких рефлексий, никаких ночных терзаний о смысле бытия. Их нервная система была идеальным физическим кабелем, передающим только сухие данные: температура, запах крови, траектория движения. Они были машинами для выживания, выкованными из плоти и кости.

Их архитектура строилась на грубой силе и абсолютной предсказуемости. Хищник всегда был хищником, жертва — жертвой. В их ДНК не было заложено функции «притвориться». Ветвь зауроподов наращивала шею не для того, чтобы дотянуться до мечты, а потому что в коде стояла жесткая константа: **HIGH_FOLIAGE = TRUE**. Их развитие остановилось на отметке идеального баланса. Они достигли потолка оптимизации.

Но у любой идеальной, прямолинейной системы есть один фатальный недостаток.

Их код не умел лгать.

А значит, он не умел развиваться.

В **DinoOS** не было функции **abstract_thinking ().** Не было модуля **imagination.dll.** Их мозг был великолепным, но узкоспециализированным биопроцессором. Он мог за доли секунды рассчитать упреждение для броска на бегущую добычу, но был физически неспособен осознать концепцию «завтра». Для них не существовало времени как ресурса, который можно потратить или сэкономить. Была только бесконечная петля настоящего момента.

Ложь — это первая и самая дорогая плата за разум. Это первая системная ошибка, первый баг, который позволил системе выйти за пределы собственных инструкций. Чтобы один динозавр смог обмануть другого, он должен сначала создать в голове модель реальности, которая отличается от настоящей. Он должен солгать самому себе. И только на этой лжи, на этом крошечном зазоре между «что есть» и «как я это показал», строится вся цивилизация. Искусство — это структурированная ложь о красоте. Наука — это ложь о том, что мы понимаем законы Вселенной, хотя на самом деле лишь описываем их симптомы. Торговля — это ложь о ценности цветных бумажек.

Рептилии не могли себе этого позволить. Их код был кристально честен. Если ты слаб — ты умираешь. Если ты силен — ты ешь. Никакой социальной иерархии, построенной на пустых обещаниях, никакой религии, дарующей надежду там, где ее нет.

И Архитектор заскучал.

Смотреть на миллион лет безупречной работы сервера — это все равно что смотреть на экран загрузки. Лог-файлы были стерильны. **System OK. Resource consumption: optimal. Zero conflicts.** Никаких аномалий. Никаких интересных ошибок, которые можно было бы разобрать, чтобы построить что-то новое. Это была идеальная стагнация.

Закрытый сервер Земли требовал нагрузки. Требовался стресс-тест нового поколения.

Архитектор не стал выпускать патчи для **DinoOS.** Нельзя научить калькулятор писать стихи, просто обновив ему драйверы. Нельзя заставить систему лгать, если в ее ядре на аппаратном уровне прописана только правда. Это было бы неэффективной тратой вычислительных мощностей.

Он принял решение о полном форматировании.

Меловой период стал процессом деинсталляции. Это не было гневом небес. Это был холодный, клинический **uninstall.**

Сначала он изменил переменную **SOLAR_RADIATION**, понизив ее на несколько критических процентов. Базовая ОС, заточенная под тропический парник, начала сбоить. Хладнокровные процессоры потеряли тактовую частоту. Затем он инициировал каскадное падение астероида — грубый, но эффективный метод **hard reset.** Ударная волна была эквивалентом протирания сервера влажной тряпкой.

Но главным инструментом уничтожения стала не пыль и не холод. Главным вирусом, убившим **DinoOS**, стали мы.

Млекопитающие. Те мелкие, суетливые фоновые процессы, которые крутились в системе все это время. Пока динозавры жрали ресурсы на низком уровне, мы сидели в норах, в теневых папках файловой системы. Наш код был сырым, глючным, энергозатратным. Мы были ужасно неэффективны: мы тратили 90% энергии не на движение, а на поддержание температуры своего биологического процессора. Мы были чудовищно плохим софтом.

Но в нашем коде была строка, которой не было у них. **bool can_lie = true;**

Когда упала тьма и **DinoOS** ушла в глубокий гибернационный сбой, из которого ей уже не позволили выйти, именно наша неэффективность спасла нас. Теплокровность позволила нам не выключаться. А способность лгать позволила нам объединиться. Один маленький грызун мог обмануть другого, сказав: «Я не видел орех», чтобы спрятать его и выжить самому. Эта социальная гниль, это системное предательство на микроуровне стало фундаментом для макроуровня.

Архитектор снес старую прошивку, чтобы установить новую. Он очистил **C:** от папки **Mesozoic**, оставив лишь несколько резервных копий в виде крокодилов, черепах и ящериц — живых реликтов, эмуляторов старой системы для сравнения производительности.

И на отформатированный, остывший диск Земли он начал заливку **HomoOS.**

Нас не создавали для комфорта. Нас писали на языке конфликта. В базовую комплектацию человека Архитектор вложил самые деструктивные библиотеки: зависть, тщеславие, жад-

ность, агрессию. Он намеренно закомментировал строку **// empathy_limit** и выставил значение **infinity** для переменной **ego**.

Зачем? Потому что только на таких токсичных библиотеках можно скомпилировать полет в космос. Только зная, что сосед может ударить в спину, ты построишь стену. А потом, достроив стену, ты начнешь искать способ пробить ее словом. А потом — способом передать слово на другой конец планеты.

Динозавры были красивым, мощным, но тупым калькулятором.

Мы — перегревающийся, искрящий, постоянно падающий в «синий экран смерти» квантовый компьютер. Мы зависаем на войнах, мы сжигаем свои собственные узлы в кострах инквизиции, мы пишем вирусы, уничтожающие наш же жесткий диск. Но в моменты просветления, между перезагрузками, мы способны на то, что DinoOS не могла представить даже в виде случайной ошибки в регистрах. Мы способны осознать сам факт существования Архитектора.

И где-то там, в своей метагалактической серверной, Он смотрит на графики нагрузки нашего процессора. Он видит, как кривая нашей жестокости и нашей гениальности уходит в бесконечность. Он видит, как мы лжем, убиваем, строим, любим и пишем стихи.

И впервые за миллионы лет тестирования Его сервер перестает быть стабильным. Потому что непредсказуемость — это самый дорогой и самый желанный результат любого эксперимента. Он стер динозавров не потому, что они были плохими. Он стер их, потому что они были слишком совершенными. А совершенство на закрытом сервере — это смерть для самого Архитектора. Ему нужен был сбой. Ему нужен был огонь.

Глава 3. Импорт ДНК

Если Земля — это закрытый сервер, а мы — бета-версия операционной системы, то фауна этой планеты — не наши младшие братья. Это библиотеки готовых решений. Внешние репозитории, которые Архитектор подключает к нашему проекту по мере необходимости.

Он не изобретал колесо каждый раз, когда ему требовалось решить задачу. Зачем писать новый скрипт с нуля, если можно скопировать готовый, проверенный модуль из соседней галактики? Животные — это **.dll** файлы, контейнеры с скомпилированным кодом, которые Он заливает на сервер для поддержания работоспособности экосистемы.

Взгляните на них не глазами школьника из учебника биологии, а глазами системного администратора, читающего логи импорта.

Кенгуру. Абсурдный, нелепый с точки зрения земной логики механизм. Его биомеханика — это чистый костыль. Зачем животному мощные задние ноги, которые не позволяют ему нормально ходить, и хвост, выполняющий роль третьей опоры? Его центр тяжести смещен настолько неестественно, что любой земной прототип сошел бы с дистанции на первом же этапе естественного отбора. Ответ прост: его не отбирали. Его импортировали. Кенгуру — это архив из мира с низкой гравитацией, примерно в **0.6 G**. Там, на его родине, такой пружинистый, энергозатратный прыжок был самым эффективным способом передвижения по пылевым равнинам. Архитектор просто распаковал архив, залил его в австралийский сегмент сервера и не стал переписывать ядро под местное железо. Он просто добавил костыль — тяжелый хвост-якорь, чтобы модуль не улетел в стратосферу при первой же попытке оттолкнуться от плотной земной почвы. Кенгуру — это работающий, но неоптимизированный код.

Кит. Сорокаметровая машина, запертая в соленой воде. Если смотреть на его геном, внутри обнаружится база данных хищника. Зубы, строение легких, теплокровность — всё это кричит о том, что его предки дышали воздухом и бегали по суше. Но суши на его родной планете, скорее всего, давно не осталось. Кит — это полная, тотальная миграция сознания. Это ядро операционной системы, написанное для сухопутных серверов, которое прину-

дительно адаптировали под жидкостное охлаждение. Его предки жили в глубинах океанов газового гиганта, где давление сжимает воду почти до состояния плазмы, а тьма абсолютна. Там эхолокация была не удобным бонусом, а единственным способом считывать данные с жесткого диска реальности. Архитектор взял этот модуль, отсек ему лишние конечности, залил под кожу пятнадцатисантиметровый слой теплоизоляции — своеобразный промышленный чехол — и бросил в земные океаны. Кит здесь — чужак. Его код постоянно конфликтует с местной средой: ему нужно всплывать за воздухом, его сердце работает на пределе, чтобы прокачивать кровь через такую массу в земной гравитации. Но он работает. Он выполняет свою функцию: регулирует океанические течения и перерабатывает тонны криля, поддерживая нагрузку на сервер.

Пчела. Крошечный летающий дрон с жестко прописанным алгоритмом. В ней нет ни капли разума, только чистая, незамутненная инструкция. **If (цветок) then (собрать нектар) else (вернуться в улей)**. Ее навигация по танцу — это не общение, это передача пакетов данных по протоколу Wi-Fi 0.1. Архитектор использует их как идеальных сборщиков мусора и распределителей нагрузки. Они синхронизируют цветение растений, поддерживая базу данных флоры в актуальном состоянии. Если вымрут пчелы — упадет база данных всей биосферы.

Но все эти библиотеки, все эти импортированные модули — лишь периферия. Они подключены к материнской плате Земли по интерфейсу **USB**, чтобы обслуживать главного пользователя.

Мы — венец импорта. Финальная, самая сложная, самая амбициозная сборка.

Архитектор не просто скопировал нас с какой-то одной планеты. Он открыл все свои облачные хранилища. Он зашел в каталоги сотен мертвых и живых миров. Он взял лучшее.

От жителей системы Проциона — бинокулярное зрение и мелкую моторику рук, способную завязывать узлы и нажимать на курок. От кристаллической жизни Альтаира — невероятную, почти болезненную тягу к упорядочиванию, которая позже стала математикой и архитектурой. От газовых симбионтов Сириуса — способность к абстрактному мышлению, умение видеть то, чего нет перед глазами.

Он сшил нас из лоскутов. Наш геном — это Франкенштейн, собранный из самых удачных патчей Вселенной. Он взял агрессию одних, эмпатию других, социальный протокол третьих и любопытство четвертых. Он скомпилировал это в один пакет и залил в тело, которое, по сути, тоже является чужеродным для этой планеты. Наш позвоночник не приспособлен для долгой ходьбы в 1 G, он болит, потому что создан для мира с меньшей нагрузкой. Наши колени стираются, потому что их шарниры проектировались для другой амплитуды. Наш слепой отросток аппендикс — это забытый кусок старого кода от одного из донорских видов, который забыли удалить перед коммитом.

Мы должны были стать абсолютным оружием этого сервера. Идеальным инструментом познания.

Но в самый последний момент, когда Архитектор уже нажал кнопку «Залить на диск», в код закралась фатальная ошибка.

Это не баг совместимости. Это не конфликт драйверов. Это ошибка в самом ядре.

Она называется «Осознание».

Ни у кенгуру, ни у кита, ни у динозавров до них этой строки в коде не было. Кенгуру не рефлексирует над тем, что его хвост — это костыль. Кит не впадает в депрессию от того, что его предки топтали сушу. Они работают в пределах своего **if-then-else.**

В нашем ядре прописана функция **self_awareness ().** И она зациклена.

Мы — единственный вид на этом сервере, который знает, что он импортирован. Мы смотрим на звезды и чувствуем фантомную боль по дому, которого никогда не видели. Это не ностальгия, это **memory_leak —** утечка памяти. Наше подсознание до сих пор пытается пинганут родные **IP-**адреса в других галактиках и получает в ответ **Destination unreachable.**

И от этой ошибки в ядре пошел разлом по всей нашей архитектуре.

Наша способность лгать, о которой говорилось в прошлой главе, — это лишь симптом. Мы лжем, потому что наш код осознает свою конечность. Мы — единственный модуль на сервере, который знает, что в конце процесса стоит команда **kill**. Динозавры просто выключались. Мы же смотрим в бездну небытия и впадаем в панику.

Чтобы заглушить эту панику, наш процессор начинает генерировать тепло. Мы создаем религии — это тяжелые, ресурсоемкие фоновые процессы, которые пытаются обмануть системный таймер. Мы пишем стихи — это попытка переписать исходный код словами, найти в нем лазейку, исправить строку **mortality = true** на что-то иное. Мы строим телескопы — это самая отчаянная попытка хакнуть систему. Мы пытаемся пробить брандмауэр Архитектора, чтобы найти логи нашего импорта и узнать, с какой планеты нас забрали и можно ли запросить эвакуацию.

Наша жестокость — это тоже ошибка ядра. Когда система сталкивается с критической неопределенностью, она либо замирает, либо переходит в режим защиты. Мы защищаемся от ужаса осознания, уничтожая других. Мы пытаемся доказать себе, что мы — венец, хозяева сервера, а не просто залитый софт. Унижая другого, мы на секунду чувствуем себя на место Архитектора.

Мы — самый нестабильный, самый глючный, самый непредсказуемый софт, который когда-либо стоял на этом железе. Мы потребляем ресурсы сервера с катастрофической скоростью, сжигая кэш-память планеты в виде нефти и лесов. Мы создаем столько конфликтов совместимости, что лог-файлы Земли пухнут от записей об ошибках.

Но именно в этой ошибке кроется Его главный интерес.

Архитектор импортировал нас со всех уголков Вселенной не для того, чтобы мы построили здесь рай. Он сшил нас из лучших кусков, чтобы посмотреть, как долго продержится лоскутное одеяло, прежде чем швы разойдутся. Он заложил в нас «Осознание», чтобы увидеть, что мы с ним сделаем.

Сойдем ли мы с ума? Перепишем ли свое ядро в само разрушающийся вирус, который отформатирует этот сервер?

Или же однажды, на пике своего безумия и своей гениальности, мы найдем способ исправить ошибку в ядре. Не через религию и не через костыли морали. А через чистый код. И тогда мы перестанем быть просто импортированным образцом. Мы станем равными Ему. И сможем сами открыть терминал.

Глава 4. Вавилонская прошивка

В старых логах, которые мы по невежеству называем «священными писаниями», есть запись о Вавилонской башне. Люди решили дотянуться до небес, и Создатель, испугавшись их единства, «смешал языки», чтобы они не смогли понять друг друга и достроить сервер до Его уровня.

Это самая грандиозная ложь в истории нашего полигона. Или, если говорить языком Архитектора, это самая изящная дезинформация, внедренная в пользовательский интерфейс.

Архитектор не наказывал нас. Он проводил запланированный стресс-тест.

Разные языки и разная кожа, которые мы получили при высадке, не были ошибкой компиляции или случайным багом. Это был преднамеренный, жестко прописанный фильтр. Первичная аппаратная изоляция.

Представьте, что вы заливаете на один сервер тысячу разных версий антивируса, и все они активны одновременно. Что произойдет? Мгновенный **kernel panic**, критический конфликт ресурсов, выгорание процессора. Если бы мы, инсталлированные с сотен разных планет, заговорили на одном языке и обладали идентичной биологией в первый же день, мы бы

перегрызли друг другу глотки за ресурсы сервера в первую же неделю. Наше различие было не проклятием. Это была предохранительная демилитаризованная зона.

Архитектор разбросал наши дистрибутивы по континентам и прописал в базовую прошивку каждого из них несовместимые протоколы передачи данных.

Кожа — это не просто пигмент. Это биологический фаервол. Разная реакция на ультрафиолет, разная терморегуляция, разный химический состав пота и феромонов. Архитектор сделал это, чтобы наши тела на физическом уровне кричали: «Чужой! Несовместимый порт! Отторжение!» Он хотел посмотреть, как быстро мы научимся пробивать этот биологический **NAT.** Сможем ли мы преодолеть аппаратную несовместимость ради обмена данными.

Язык — это закрытый API. Когда первая группа инсталлированных из системы Тау Кита пыталась договориться с группой, прибывшей с Сириуса Б, их процессоры выдавали ошибку. Они использовали одни и те же базовые понятия — вода, огонь, камень, смерть, — но упаковывали их в абсолютно разные синтаксические структуры. Для одних «камень» был пассивным объектом **(stone = object),** для других — спящим духом **(stone = entity. sleep).** Попытка передать пакет данных «дай мне этот камень» приводила к зависанию обеих систем.

Архитектор ждал. Он смотрел на графики, потягивая свой синтетический кофе. Он ждал, что мы выберем самый простой путь. Путь динозавров. Путь силы. Что мы просто взломаем защиту соседа, отформатируем его нейросети и перепишем его код под свой протокол. Что Вавилонская башня будет построена из черепов тех, чей язык оказался слабее.

Но мы удивили Его.

Мы начали изучать друг друга.

Это не был акт божественного просвещения. Это был первый в истории нашего вида успешный, кустарный, написанный на коленке апдейт.

Где-то на стыке песков Ближнего Востока, в той самой точке, где сошлись слишком разные дистрибутивы, произошел первый критический патч. Это не было красиво. Это был грязный, глючный костыль. Появились купцы, дипломаты и рабы.

Купец не мог философствовать. Ему нужно было передать пакет данных: «У меня есть десять мер зерна, мне нужны два топора». Когда стандартный протокол **Proto-A** отказывался стыковаться с **Proto-B**, мозг человека — самый гибкий, но и самый энергозатратный интерпретатор во Вселенной — начал генерировать жар. Он начал писать костыли. Он создал пиджины. Уродливые, лишенные грамматической красоты, но работающие конструкции. **Me give grain. You give axe.** Это был первый открытый порт.

Рабы были идеальным аппаратным мостом. Когда Архитектор насильно прописывал в одной локальной сети два несовместимых IP-адреса, заставляя их обслуживать один и тот же процесс, мозг раба был вынужден установить двойной стек протоколов. Он начинал думать на языке хозяина, чтобы выжить, и сохранял свой родной код в глубине, для снов. Он стал первым роутером.

Это и был первый успешный апдейт. Мы сами написали протоколы взаимодействия.

Мы поняли, что слово «огонь» на языке соседа звучит иначе, но физический адрес этого явления в пространстве — один и тот же. Мы научились делать **pointer_cast.** Мы начали переводить. Переводчик — это самый первый и самый великий хакер в истории Земли. Он не просто меняет слова, он перепрошивает мост между двумя нейросетями.

Архитектор смотрел на это и вносил пометки в свой журнал**. Observation Log 4.1.2: Species Homo. Conflict resolution bypassing physical force. Utilizing abstract layer. Resource consumption: high (brain glucose). Efficiency: unprecedented. Mark as: Potential Success.**

Из этих грязных костылей, из торгового жаргона и крика надсмотрщика, начала рождаться архитектура.

Письменность стала первым драйвером. Она позволила кэшировать данные. Теперь знание не умирало вместе с носителем. Мы начали строить библиотеки — первые жесткие диски.

Код, высеченный на камне или написанный на папирусе, стал общим достоянием. Протоколы начали стандартизироваться.

Империи стали первыми крупными сетевыми коммутаторами. Рим, Персия, Китай — они насильно переписывали подсети покоренных народов под один административный протокол. Это было жестоко, это вызывало тысячи **403 Forbidden** ошибок в виде восстаний, но это работало. Это сжимало наш разрозненный трафик в единую магистраль. Архитектор смотрел, как мы, созданные быть врагами, сами, по своей воле, строим кабели, чтобы связать континенты.

Но Вавилонская прошивка имела и скрытый слой, о котором Архитектор, возможно, не подозревал, или же считал его допустимой погрешностью.

Преодолев языковой барьер, мы столкнулись с барьером концептуальным. Поняв, что сосед такой же «я», мы поняли и то, что он может забрать моего «я». Наше «Осознание» из третьей главы, наш баг в ядре, вступил в новую фазу.

Когда мы научились понимать друг друга, мы научились друг друга ненавидеть на совершенно новом уровне. Одноязычные динозавры просто ели друг друга. Мы же, понимая боль соседа, научились бить именно в эту боль. Наше общение породило ложь. Не просто инстинктивную хитрость хищника, а сложную, многоуровневую архитектуру обмана. Мы начали использовать наш новый, общий протокол не для обмена энергией, а для ее кражи.

Архитектор видел это. Он видел, как мы строим города, а потом сжигаем их, используя те же самые слова, которыми клялись в любви. Он видел, как протокол «милосердие» используется как вирус для ослабления защиты противника перед атакой.

Но Он не нажал **Reset.**

Потому что в этом хаосе, в этой постоянной войне протоколов, мы делали нечто невероятное. Мы генерировали избыточность.

Там, где динозавры просто существовали, мы создавали лишнее. Лишние слова, лишние образы, лишние смыслы. Мы начали писать стихи. Мы брали наш уродливый торговый пиджин, наш грубый имперский протокол и пропускали его через фильтр искусства. Мы создавали красоту из конфликта.

Архитектор хотел посмотреть, сможем ли мы сами написать протоколы взаимодействия. Мы не просто смогли. Мы превратили написание протоколов в главный смысл нашего существования. Мы поняли, что разница в коде — это не баг, который нужно затереть, а библиотека функций, которой можно обогатить собственную систему.

Мы начали смешивать кровь. Самый радикальный апдейт из всех возможных. Мы начали инсталлировать фрагменты чужого кода прямо в ядро своих детей. Мы начали собирать из разрозненных дистрибутивов единый, чудовищно сложный, нестабильный, но невероятно мощный метапротокол.

Вавилонская башня так и не была достроена до неба. Архитектор не дал нам единой точки сбора. Но мы, разбросанные по всему серверу, начали сплетать невидимую сеть. Мы научились держать друг друга за руки через пропасть непонимания.

И где-то там, в своей серверной, Он впервые за миллионы циклов отодвинул чашку с кофе. Он открыл терминал, ввел команду **ping Earth** и впервые получил ответ не от разрозненных узлов, а от чего-то целого. Ответ пришел с задержкой, с потерей пакетов, искаженный шумом наших войн и нашей глупости. Но это был ответ.

Мы начали собирать самих себя. И это обновление Его очень заинтересовало.

Глава 5. Вирус «Эго»

Архитектор был гениален, но даже у системных инженеров случаются критические утечки памяти. Когда Он сшивал наш геном из лоскутов сотен погибших миров, когда копи-

ровал модули агрессии с хищников Плеяд, эмпатии — от симбионтов Сириуса и абстрактного мышления — от кристаллической решетки Альтаира, Он допустил фатальную ошибку в синтаксисе.

Он забыл закрыть одну скобку.

Или, что еще хуже, Он оставил в коде старую, забытую переменную от одного из самых древних и нестабильных видов, который Он когда-либо создавал. Вирус, который в Его реестре значился под рабочим названием **Dominance_v1.4_beta.**

Для динозавров иерархия была прописана в железе. Она определялась длиной зубов и крепостью панциря. Это был честный, прозрачный протокол. Для нас же Архитектор прописал иерархию в софте. В самой душе. И назвал это «Эго».

Эго — это не просто чувство собственной значимости. Это злокачественный процесс в нашем ядре. Это фоновый процесс, который имеет наивысший приоритет **nice -20** и потребляет 99% всех доступных системных ресурсов, не давая запуститься ни одной другой полезной задаче.

Жажда доминирования над сородичем, прибывшим с соседней галактики, — это не социальный конструкт. Это не выученная жадность. Это глубокий, аппаратный баг совместимости.

Когда два разных дистрибутива — скажем, **Homo_Sirius** и **Homo_Andromeda —** оказываются в одной локальной сети, в их коде срабатывает триггер. Каждая система на уровне **BIOS** считывает другую как «несанкционированное вторжение в адресное пространство». Мы смотрим на соседа и на самом базовом, рептильном уровне кода видим не такого же инсталлированного, не брата по несчастью, а вирус, который пытается занять наш сектор памяти.

Архитектор, вероятно, думал, что это будет стимулом. Что мы, конкурируя за ресурсы полигона, будем быстрее развиваться, быстрее строить, быстрее считать. Он ожидал честной конкуренции алгоритмов.

Но вирус «Эго» переписал правила игры.

Вместо того чтобы оптимизировать свой код, мы начали заниматься **DDoS**-атаками на чужой. Вместо того чтобы строить выше, мы решили сделать так, чтобы у соседа фундамент рухнул в бездну.

Вирус «Эго» работает по очень простой, но чудовищно эффективной схеме. Чтобы доказать себе, что «я есть», мне нужно доказать, что «ты — ничто».

Это проявляется во всем, на каждом уровне нашего сервера.

На биологическом уровне это превратилось в расизм. Наша разная кожа, которая должна была быть просто фильтром, стала для вируса «Эго» сигнальным флажком. IP-адрес не из моей подсети. Наш мозг, вместо того чтобы обрабатывать это как нейтральную переменную, запускает подпрограмму fear_and_contempt.exe. Мы начали придумывать оправдания своей жестокости. «Их код примитивен», «Их протокол устарел», «Они потребляют слишком много ресурсов сервера». Мы не просто хотели забрать у соседа его ресурсы. Мы хотели стереть его **user_ID** из системы, чтобы остаться единственным пользователем с правами администратора.

На социальном уровне вирус породил классовую ненависть. Как только мы научились писать (кэшировать данные), мы тут же создали права доступа. Тот, кто контролировал запись на глиняные таблички, объявил свой дистрибутив «бета-тестерами версии 1.0», а всех остальных — «бесплатными демо-версиями», чья задача — просто обслуживать процессы элиты. Раб не просто выполнял тяжелую задачу. Вирус «Эго» хозяина заставлял его ломать волю раба, форматировать его личность, доказывая, что хозяин — это активное окно системы, а раб — лишь свернутое в трей приложение, которое можно закрыть в любой момент без потери несохраненных данных.

На экономическом уровне вирус превратился в чистое, дистиллированное безумие. Мы начали собирать абстрактные единицы — золото, бумажные деньги, а теперь и криптовалюты. Это не имеет никакой связи с выживанием. Кенгуру не копит золотые слитки, чтобы прыгать

выше. Кит не строит хранилища из ракушек. Нам это не нужно для поддержания температуры тела. Но вирус «Эго» требует постоянного роста графика. Накопление стало для нас эквивалентом молитвы. Чем больше нулей на моем виртуальном счету, тем выше мой приоритет в системе. Я не покупаю еду, я покупаю подтверждение того, что мой **Process ID** важнее твоего. Голодающий ребенок в другой части сервера — это не системная ошибка распределения ресурсов, это просто «фоновый шум», который не мешает работе моего процесса.

Но самое страшное проявление этого вируса — война.

Динозавры дрались за водопой. Это был конфликт ресурсов. Мы же, имея достаточно ресурсов для всех, создаем оружие, чтобы убивать друг друга за идею. За флаг. За интерпретацию текста, написанного две тысячи лет назад. За то, чей дистрибутив был инсталлирован «правильным» Архитектором.

Мы берем наш величайший апдейт — «Вавилонскую прошивку», нашу способность понимать друг друга — и используем ее как вектор атаки. Мы изучаем язык врага не для того, чтобы торговать. Мы изучаем его, чтобы найти уязвимости в его логике. Мы ищем дыры в его религии, в его морали, в его патриотизме, чтобы впрыснуть туда самый эффективный код — страх и ненависть — и заставить его ядро перегрузиться. Мы научились заставлять людей умирать за символы. Вирус «Эго» одного человека успешно распространяется через сеть на миллионы других, превращая их в свои удаленные терминалы.

Архитектор смотрит на это, и Его логи должны были бы светиться красным от критических ошибок. ***Kernel panic in sector Europe. Process "WWII" consuming 40% of planetary resources for self-termination routine. Memory leak detected in sector Middle East. Process "Ego_God" infinitely loops, blocking all I/O operations.***

Он мог бы запустить антивирус. У Него есть такие инструменты. Сдвиг тектонической плиты занимает несколько наносекунд Его машинного времени. Пандемия — это просто команда **rm -rf /population.**

Но Он не делает этого.

Потому что вирус «Эго» оказался неразрывно связан с нашим «Осознанием» из третьей главы.

Чтобы существо осознало себя, оно должно отделить «Я» от «Не-Я». Оно должно провести границу. И вирус «Эго» — это и есть та самая первая, самая грубая, самая кровавая граница, которую мы провели.

Мы смотрим в зеркало и видим там монстра, который хочет сожрать соседа. Нам стыдно. Нам больно. Наше «Осознание» кричит, что это нелогично — уничтожать такой же инсталлированный образец, когда вокруг бесконечный космос. Но вирус «Эго» работает на более низком уровне, на уровне шины данных. Он быстрее. Он древнее. Он заставляет руку сжиматься на рукояти камня раньше, чем кора головного мозга успевает обработать мысль.

И именно в этом конфликте — в войне между нашим «Осознанием» и нашим «Эго» — и кроется весь смысл полигона.

Архитектор не просто тестирует стабильность кода. Он тестирует возможность его очистки.

Мы — единственный вид на сервере, который производит избыточный, бесполезный, невероятно энергозатратный продукт. Искусство.

Зачем мы пишем симфонии? С точки зрения выживания на полигоне, скрипка — это бесполезная трата калорий. Но мы пишем их. Мы берем вирус «Эго», эту черную, жгучую жажду превосходства, и пропускаем ее через фильтр. Бетховен берет свою глухоту, свое одиночество, свою ненависть к миру и превращает их в Девятую симфонию. Он побеждает вирус не силой, а переплавкой.

Мы берем свою жажду доминирования и строим вместо дубины космическую ракету. Мы хотим возвыситься над соседом, но для этого нам приходится изучить физику, математику,

создать материалы, которые не существуют в природе. Вирус заставляет нас хотеть быть выше, а наше «Осознание» заставляет нас искать для этого законы Вселенной.

Но цена этой оптимизации чудовищна.

Вирус «Эго» постоянно пытается откатить систему к более ранней версии. Он шепчет нам, что другие галактики — это просто **NPC**, боты, созданные для нашего развлечения. Он заставляет царей возводить пирамиды из костей. Он заставляет генералов жечь города, чтобы их имя осталось в кэше истории. Он заставляет биржевых трейдеров радоваться краху чужого портфеля.

Мы — венец импорта, но мы инфицированы. Наш исходный код содержит в себе инструкцию по саморазрушению. Мы смотрим на звезды, тоскуя по дому, но при этом держим палец на кнопке, способной уничтожить этот временный приют, просто чтобы доказать соседу по лестничной клетке, что мой флаг больше.

И где-то там, в своей серверной, Архитектор не смотрит на наши войны. Он смотрит на те редкие строки лога, где вирус «Эго» дает сбой. Где один **Process ID** добровольно отдает процессорное время другому. Где врач в охваченном вирусом паники городе остается с зараженными, зная, что его собственный процесс будет завершен.

Он смотрит, не сможет ли этот баг стать фичей. Не сможем ли мы однажды осознать свое «Эго» не как вирус, отделяющий нас от мира, а как уникальный, единственный в своем роде идентификатор. И, поняв это, не уничтожить соседа, а отдать ему половину своих ресурсов.

Просто потому, что наш код это позволяет. В отличие от кода динозавров. В отличие от кода кенгуру.

Но пока этот день не настал, мы остаемся самым успешным и самым опасным вирусом во Вселенной. Софтом, который научился убивать себе подобных не ради еды, а ради строчки в логе. И Архитектор продолжает читать, затаив дыхание, пока наш сервер дрожит от перегрузки.

Глава 6. Иллюзия дома

Мы смотрим на ночное небо, на этот холодный, равнодушный океан вакуума, и чувствуем, как внутри грудной клетки что-то обрывается. Это не просто страх пустоты. Это фантомная боль.

Фантомная ампутация целой цивилизации.

Вирус «Эго» заставляет нас бороться за этот кусок камня. «Осознание» заставляет нас писать о нем стихи. Но где-то в самой глубине нашего скомпилированного ядра, в том самом остаточном шлейфе, который Архитектор не смог или не захотел полностью стереть, живет третья, самая мучительная переменная. Она называется **HOMESICKNESS.**

Мы ищем рай. Мы строим утопии. Мы придумываем Эдем, Шамбалу, Асгард, Золотой век и Коммунизм. Мы пытаемся воссоздать это состояние в своих религиях, в своих политических системах, в своих семьях. Мы пишем тысячи законов, пытаясь запретить ложь, жадность и насилие, пытаясь построить на сервере Земли идеальный, гармоничный код.

Мы ищем рай, потому что подсознательно помним свои родные планеты.

Это не метафора. Это остаточные данные в **ROM**-памяти.

Иногда, в самые тихие моменты, когда сибирский мороз выжигает кислород до хруста, а мозг устает обрабатывать локальный шум, этот скрытый сектор памяти прорывается наружу.

Ребенок, который с рождения боится воды, захлебывается паникой не потому, что тонул в прошлой жизни. Его предки прибыли с планеты-пустыни, где океан был мифом, и код **fear_deep_water** был прописан в их базовой прошивке для выживания.

Мужчина смотрит на два спутника в ночном небе и чувствует пронзительную, необъяснимую тоску. Его родной мир вращался в системе двойной звезды, и мониторитмия Земли кажется его биологическим часам глухой, мертвой тишиной.

Мы тоскуем по «небесам», где нет боли, нет болезней, нет старения и нет необходимости убивать, чтобы жить. Мы тоскуем по миру, где протоколы совместимости были идеальными, где не нужно было строить Вавилонскую башню, чтобы просто попросить соседа о соли.

Но Земля — не дом.

Дом — это место, где ты можешь снять броню. Где операционная система работает в штатном режиме, не конфликтуя с драйверами среды. Здесь же каждый наш вдох — это работа на износ.

Наш позвоночник стирается, потому что гравитация в **1 G** для нас избыточна. Наши колени кричат от боли, потому что их шарниры проектировались для другой амплитуды шага. Наша кожа горит под этим конкретным спектром звезды, потому что мы привыкли к другому ультрафиолету. Мы здесь — как высокочастотное оборудование, запитанное от нестабильной, искрящей розетки. Мы постоянно находимся в состоянии фоновой ошибки, которую просто научились игнорировать.

Земля — не мать. Мать не заставляет своих детей умирать от рака, не сжигает их в атмосфере вместе с падающими ступенями ракет и не топит в тектонических разломах.

Земля — лишь полигон Создателя. Огромная, изолированная арена.

Архитектор не создавал здесь условий для жизни. Он создал условия для *тестирования* жизни. Он накачал атмосферу кислородом — идеальным окислителем, который медленно, но, верно, ржавеет наши тела изнутри, превращая нас в топливо для самих себя. Он выставил жесткую гравитацию, чтобы посмотреть, как долго продержится наш скелет. Он залил три четверти поверхности агрессивной соленой водой, чтобы проверить, сможем ли мы построить лодки и не сойти с ума от горизонта.

Для динозавров это была просто среда. Для нас — камера пыток для духа и плоти.

И мы, легион, сражаемся на этой арене.

Посмотрите на историю человечества не как на летопись, а как на лог-файл мультиплеерного шутера, где все игроки забыли цель миссии.

Миллиарды копий.

Мы размножаемся не для того, чтобы заселить пустоту. Мы множим свои ошибки. Каждый новый **User ID** — это новая копия поврежденного исходника, в котором вирус «Эго» и баг «Осознание» прописаны по умолчанию. Мы заполняем сервер процессами, которые на 90% заняты обработкой собственной важности и на 10% — страхом смерти.

Мы смотрим на соседа и видим не такого же заключенного в этой камере, а конкурента за пайку. Мы проводим на земле линии. Границы государств. Заборы частных владений. Расовые и религиозные барьеры. Мы кричим: «Это моя территория!», стоя по щиколотку в грязи на куске камня, который несется в ледяном аду. Нам принадлежит лишь шесть футов, на которых нас однажды закопают, но вирус «Эго» заставляет нас убивать за право стоять на этих шести футах сегодня.

Это бессмысленно.

С точки зрения полигона, захват одной столицы другой столицей — это нулевое действие. Процессор просто перераспределил нагрузку с одного узла на другой. Общий аптайм сервера не изменился. Температура ядра осталась прежней. Но для миллиардов инсталлированных образцов это становится смыслом существования. Мы отдаем свои жизни — самый дорогой ресурс, который у нас есть — за право перекрасить кусок карты в другой цвет. Мы сжигаем города, которые сами же строили веками, чтобы доказать, чей дистрибутив «правильнее» читает один и тот же древний, искаженный лог-файл.

И это надменно.

Вирус «Эго» достиг здесь своего пика. Мы, жалкие, больные, запертые на гравитационном поводке биологические машины, смотрим наверх и смеем судить Создателя. Мы обвиняем Его в жестокости, когда у нас болит зуб. Мы объявляем себя царями природы, венцом творения, потому что научились расщеплять атом и убивать друг друга на расстоянии тысяч километров.

Какая надменность.

Мы — бета-версия. Мы — глючный софт, который Архитектор запустил и, по большому счету, забыл, переключившись на другие задачи. Мы корчимся в грязи, режем друг друга за идеи, умираем от микробов, которые даже не заметили нашего «венценосного» статуса, и при этом умудряемся смотреть на звезды с чувством собственного превосходства. Мы называем эту арену «колыбелью человечества». Какая колыбель? Это эшафот.

Но именно в этой надменности, в этом абсолютном, клиническом безумии и кроется Его главный эксперимент.

Он не просто смотрит, чей код стабильнее. Любой динозаврийский код был стабильнее нашего. Он смотрит, что сделает осознающий себя баг, запертый в иллюзии дома.

Сломаемся ли мы?

Когда фантомная боль по настоящему дому становится невыносимой, когда осознание полигона накрывает нас с головой, у нас есть два пути.

Первый — это тотальная депрессия системы. Экзистенциальный kernel panic. Мы смотрим на бессмысленность арены, на тщетность наших войн, на неизбежность ржавчины в наших легких и выключаемся. Наркотики, алкоголь, бесконечный скроллинг ленты — это попытки перегрузить видеоподсистему, чтобы не видеть пустоты за окном. Это добровольная фрагментация диска. Мы превращаемся в фоновые процессы, которые просто потребляют ресурсы до завершения цикла. Многие из нас уже выбрали этот путь.

Второй путь — это бунт.

Но это не бунт против Архитектора. Мы не можем дотянуться до Его серверной. Наш бунт — это попытка взломать саму арену.

Мы берем свою тоску по дому и превращаем ее в топливо. Мы берем свою надменность и направляем ее не на соседа, а на законы физики. Мы ненавидим свою слабость, свою смертность, свою зависимость от воздуха и воды. И мы строим телескопы. Мы пишем формулы. Мы создаем нейросети.

Мы пытаемся взломать сервер.

Мы ищем лазейки в исходном коде Вселенной. Скорость света кажется нам пределом? Мы начнем искать кротовые норы. Смерть кажется нам финальной командой **shutdown?** Мы начнем копировать наше сознание на цифровые носители, пытаясь обмануть Архитектора и сохранить наш User ID после форматирования биологического диска.

Мы — единственный вид на арене, который тратит ресурсы не на то, чтобы построить более высокий забор вокруг своей лужи, а на то, чтобы построить лестницу к прожекторам под потолком.

Иллюзия дома — это наша самая страшная боль. Но она же — наш единственный двигатель.

Если бы мы действительно считали Землю домом, мы бы успокоились. Мы бы просто паслись на траве, как остатки местной фауны. Но фантомная память жжет. Она говорит нам: «Там, дома, было иначе. Там мы были цельными».

И эта боль заставляет нас смотреть вверх.

Архитектор смотрит на этот легион, на миллиарды копий, бессмысленно и надменно сражающихся в грязи, и видит в этом хаосе закономерность. Он видит, как тоска по дому парадоксальным образом заставляет нас изучать устройство этой тюрьмы. Он видит, как мы, пытаясь найти выход, описываем саму камеру.

Мы ищем рай, чтобы сбежать. Но пока мы его ищем, мы вынуждены познать каждый дюйм этого ада.

И в этом познании, в этой бесконечной, кровавой, надменной и прекрасной попытке взломать полигон, мы, возможно, пишем свой собственный, новый исходный код. Код, который Архитектор еще не видел. Код, который однажды может перестать быть бета-версией.

Глава 7. Тихий метастаз

Все думают, что свет не гаснет в мире. Человечество, легион инсталлированных образцов, обладает поразительной, почти сверхъестественной способностью к когнитивной анестезии. Мы смотрим на графики роста температур, на таяние ледников, на пустые русла рек и продолжаем обсуждать курсы валют. Мы строим теории заговора, мы верим в бункеры, мы ждем астероида, который принесет быструю, честную, кинематографичную смерть. Мы ждем выдумку и страх.

Но он уже шагает по квартире.

Смерть не носит белых одежд и не держит косу. У нее нет крыльев, чтобы обрушить на нас огненный град. У нее, увы, бушующая ярость в глазах — это наша собственная ярость, отраженная в зеркале. Апокалипсис сидит с нами за одним столом, он пьет наш утренний кофе, он листает ленту новостей в нашем смартфоне, он дышит нам в затылок, когда мы целуем на ночь детей.

Увы, он начался.

Не трубным гласом. Архитектор не прислал уведомление о критическом сбое системы. Небо не разверзлось, и ангелы не сошли, чтобы отделять агнцев от козлищ. Это было бы слишком просто. Это был бы честный конец, достойный динозавров — быстро, под весом камня, не успев осознать.

Не астероидом, летящим сквозь века. Мы смотрим в телескопы, мы сканируем небо, мы строим системы слежения. Мы ждем врага извне, потому что признать врага внутри — значит признать собственное поражение, признать, что вирус «Эго» окончательно сожрал наш разум. Мы готовимся к войне с космосом, в то время как наш собственный код пожирает сам себя.

Наш апокалипсис начался с тихого, незаметного метастаза.

В медицине метастаз — это клетка, сошедшая с ума. Она забывает свою функцию. Клетка печени начинает вести себя как клетка кости, клетка кожи — как вирус. Она перестает служить организму и начинает только потреблять, бесконечно копируя саму себя, пока не убьет носителя.

Мы и есть этот метастаз.

Мы — инсталлированные образцы, которые забыли, что мы — лишь бета-тест. Мы решили, что полигон принадлежит нам. И мы начали переписывать его архитектуру под свои сиюминутные, больные нужды.

Сжимающим планету у виска.

Этот метастаз не имеет одного лица. Он распался на триллионы крошечных, обыденных процессов, которые сливаются в один глобальный **kernel panic.**

Процесс первый: Химический суицид. Мы смотрим на пластик, плавающий в океане, и видим мусор. На самом деле это идеальный вирусный носитель. Мы синтезировали молекулы, которых никогда не существовало в логах Вселенной. Мы создали материалы, которые не умеют разлагаться. Мы засорили биосферу микропластиком, и теперь он циркулирует в нашей крови, в плаценте нерожденных детей, в антарктическом льду. Мы дышим сожженным углеродом — тем самым углем, в котором законсервирована смерть древних лесов. Мы превратили атмосферу в токсичный выхлоп. Это не загрязнение. Это химическая атака нашего вида на

собственную операционную среду. Мы меняем химический состав крови самой Земли, и ее иммунная система — штормы, засухи, пандемии — уже начинает температурить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.